

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ / RUSSIAN
LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION**

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.45.16>

**НАРТЫ БЕЗ СИМДА: ПОЭМА ГЕОРГИЯ МАЛИЕВА «СИМД НАРТОВ» КАК ОПЫТ ПЕРЕВОДА И
ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОИМЕННОГО ЭПИЧЕСКОГО СКАЗАНИЯ**

Научная статья

Хугаев И.С.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-8838-5157;

¹ Владикавказский научный центр, Владикавказ, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (shmiksel[at]rambler.ru)

Аннотация

В статье рассматривается русскоязычная поэма Георгия Малиева «Симд Нартов», представляющая собой перевод и литературную интерпретацию одноименного осетинского нартского сказания. Обще фиксируются ее место и значение в билингвальном литературном наследии Г.Г. Малиева, ее жанровые признаки как лироэпического произведения и ее творческая история. Исследование языка и образности поэмы выявляет наличие стилистических неточностей и коллизий; рассмотрение ее идейной концепции приводит к заключению о некоторой анемичности образа симда, которому, как мы пытались показать, в том числе путем сопоставления с оригиналом сказания и с его вариантами, недостает идейной, композиционной и функциональной нагрузки. Главный мотив сказания – связующий его воедино симд – в поэме смазан, не обоснован этически, не актуализирован художественно. Тем не менее текст Георгия Малиева остается значительным явлением в ряду русскоязычных обработок осетинского народного эпоса.

Ключевые слова: осетинский эпос, сказание, перевод, поэма, нарты, симд.

**NARTS WITHOUT SIMD: THE POEM "SIMD OF THE NARTS" BY GEORGIY MALIEV AS AN EXPERIENCE
OF TRANSLATION AND INTERPRETATION OF THE EPIC TALE OF THE SAME NAME**

Research article

Khugaev I.S.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-8838-5157;

¹ Vladikavkaz Scientific Centre, Vladikavkaz, Russian Federation

* Corresponding author (shmiksel[at]rambler.ru)

Abstract

The article examines the Russian-language poem "Simd of the Narts" by Georgiy Maliev, which is a translation and literary interpretation of the Ossetian Nart tale of the same name. Its place and significance in the bilingual literary heritage of G.G. Maliev, its genre traits as a lyroepic work and its creative history are described. The study of the poem's language and imagery shows the presence of stylistic inaccuracies and collisions; the examination of its ideological concept leads to the conclusion about some anaemic character of the Simd, which, as we tried to show, including by comparing it with the original tale and its variants, lacks ideological, compositional and functional load. The main motive of the tale – the Simd that binds it together – is blurred in the poem, not ethically substantiated, not artistically actualized. Nevertheless, Georgiy Maliev's text remains a significant phenomenon among Russian-language treatments of the Ossetian folk epics.

Keywords: Ossetian epics, tale, translation, poem, Narts, Simd.

Введение

В ряду русскоязычных переводов и обработок осетинского народного эпоса (или его фрагментов), рассмотренных нами в предыдущих статьях [1], [2], [3], специального внимания заслуживает «Симд нартов» Георгия Гадоевича Малиева (1886–1942). Заслуживает уже тем, что это единственный текст, который по основным формальным и композиционным признакам может быть отнесен к жанру поэмы. Эта исключительность представляется несколько неожиданной, если учесть, что в подавляющем большинстве нартских сказаний есть все необходимые зачатки развернутой лиро-эпической формы, и, казалось бы, именно в этом направлении должны были работать интерпретаторы эпоса. Предварительная квалификация жанровых признаков текста Г.Г. Малиева актуальна постольку, поскольку сам автор не использовал в отношении «Симда» жанровых дефиниций, ограничившись подзаголовком-уточнением «из цикла Нартских сказаний».

Произведение Г.Г. Малиева было написано в 1922 г. и впервые опубликовано в 1924 г., спустя восемнадцать лет после «Героев-Нартов» Александра Кубалова и четыре года после «Ацамаза и Агунды» Сергея Городецкого, в Берлине в авторском сборнике «Горские мотивы», включившем в себя, наряду с «Симдом нартов», цикл русскоязычной поэзии, написанный с 1913 по 1916 г.

Следует иметь в виду, что Георгий Малиев – один из корифеев осетинской литературы, второй после Коста Хетагурова писатель и поэт-билингв сопоставимого масштаба и дарования и один «из первых среди осетинских поэтов советской эпохи», начавший «практиковать обработку произведений фольклора» [4, С. 17]. К произведениям соответствующего рода относятся «Темур-Алсак», «Гудзуна», «Дзандзирак», «Сын пастуха Махамат» и другие лиро-эпические тексты, среди которых, с учетом нашей основной задачи, нужно указать и краткую русскоязычную балладу «Сказание о нартах». Однако последнее «Сказание» не только не вносит никаких поправок в наши наблюдения и

выводы по основному вопросу исследования, но, напротив, в некотором смысле их подтверждает; поэтому мы коснемся его в заключительной части рассмотрения.

Русскоязычное наследие Георгия Малиева, притом, что оно сыграло свою роль в становлении осетинского литературного билингвизма, не оказало большого влияния на осетинскую литературу. Написанные же на родном ему дигорском диалекте осетинского языка произведения, частично составившие сборник «Ираф» 1934 г. (Ираф – река в Дигорском ущелье Северной Осетии) вошли в осетинское литературное сознание как образец не только подлинной народности, но и самой изысканной формы – по В.И. Абаеву, «уникальной музыкальности», «чарующего ритма и звучания», «кристальной прозрачности» [5, С. 564–566]. «Малиев – один из лучших осетинских лириков, – писал Х.Н. Ардасенов. – Его красочные поэтические образы всегда будут украшать нашу поэзию»; «Малиев прост и мощен в стихах, – замечал А.С. Гулуев. – Обаяние его стихов неотразимо»; «Малиев – мастер звуко-ритмической организации стиха», – пишет современный исследователь, И.К. Балоева [4, С. 6].

К сожалению, эти высокие и абсолютно правдивые оценки нельзя отнести ко всему русскоязычному наследию Георгия Малиева, в том числе к поэме «Симд нартов».

Результаты исследования и их обсуждение

История создания поэмы примечательна и, благодаря непосредственному участию Г.А. Дзагурова, оставившему о ней довольно подробные воспоминания, оказала влияние на трактовки «Симда Нартов» в критике и литературоведении. Именно Губади Дзагуров предложил Георгию Малиеву, переживавшему трудный этап в личной и творческой жизни, заняться нартовскими сказаниями. В беседе с Малиевым он, в частности, говорит своему другу: «Ты не находишь вдохновляющей темы в современности, а я мог бы тебе подсказать, если ты только согласишься со мной в одном, что настоящее связано с прошлым, что прошлое помогает нам понять настоящее, а из настоящего вырастает будущее... займись поэтическим переводом на русский язык хотя бы одного пока сказания "Бесподобный танец нартов"…» [6, С. 279]. Далее Г.А. Дзагуров рекомендует другу 2-й выпуск «Памятников народного творчества осетин», в котором это сказание было опубликовано в осетинском варианте в записи Михаила Гарданты от сказителя Баззе Колоева (1904 г.) и в его собственном (Г.А. Дзагурова) прозаическом подстрочном переводе на русский язык. (Здесь, однако, как мы предполагаем, кроется неточность: указанный выпуск ПНТО вышел только в 1927 г., на три года позже берлинского издания «Симда Нартов» Г.Г. Малиева.) «Прошло немного времени, – продолжает Дзагуров, – и Георгий явился... с рукописью художественной обработки на русском языке сказания "Бесподобный танец нартов". Этот... перевод я считаю блестящим, выполненным вдумчиво, на высоком уровне художественности, с проникновенным сохранением внутреннего духа и аромата оригинала. При первом же ознакомлении с переводом, тут же, в присутствии самого Георгия, я был восхищен им и поздравил его с большим творческим успехом» [6, С. 280]. Посмотрим, насколько справедлива такая оценка.

Сюжет поэмы в целом соответствует сюжету сказания: нарты танцуют симд; старейшина Урузмаг узнает от них, что нарты хотят таким образом привлечь к себе внимание красавицы Акулы, живущей в железной башне на перепутье семи дорог; получив обещание дорогих подарков, Урузмаг отправляется доставить девушку к нартам; хитростью ему это удастся; нарты один за другим приглашают Акулу на танец, но она решительно отвергает их притязания, пока, наконец, не пригласил ее и нарт Батраз; Акула отвечает, что она согласилась бы, если бы на чести Батраза не лежало пятно: вот уже сколько лет его дед томится в плену у семиглавого великана; Батраз отправляется в одиночный балц (поход), убивает врага, освобождает деда, а вместе с ним и «Солнца дочь и дочь Луны», забирает все добро великана и спустя год возвращается со всем его добром к нартам, продолжающим свой симд, и женится на красавице Акуле.

Такова событийная основа первого плана, которую мы пока не будем уточнять в деталях; заметим только, что повествование начинается симдом нартов и им же заканчивается, причем, как выясняется уже из этого краткого сюжетного очерка, симд не прерывался целый год, во все время действия поэмы.

Следует также учесть, что здесь – как в оригинале (что естественно) так и в поэтической обработке Малиева (что нежелательно) – отсутствует единство действия: перед нами в рамках одного сюжета разворачиваются два последовательно изложенных одиночных балца – Урузмагова и Батразова; соответственно, текст Малиева правомерно делить условно на две части; формально они друг друга дублируют, но мы находим такому решению то оправдание (тоже в определенном смысле формальное), что в первой части Акула только является на симд, а во второй – принимает в симде непосредственное участие.

Поэма состоит из 10 глав (1-я часть – главы 1–5; 2-я – главы 6–10) и содержит 524 стиха (количество строк в главах не нормировано), написанных 4-стопным хореем с рифмой abcb:

Алым пламенем объятый,
Разгорается восток,
И с вершин седых Кавказа
Веет легкий ветерок [7, С. 109].

Этот «легкий ветерок» в первом же катрене текста сбивает с серьезного драматического настроя, в некотором смысле развеивает наши эпические надежды. Тон поэмы как бы игрив и создает впечатление не столько эпического повествования, сколько сказочного. «Нартское сказание "Симд нартов" в одноименной поэме [Малиева] сильно осовременено, переосмыслено и переделано» [8], – пишут Б.Р. Хозиев и М.Р. Кулова. Очевидно, что осовременено и переосмыслено, но вовсе не очевидно, что эта модернизация и переосмысление имеют положительный эффект. Нам кажется, что исследователи вольно или невольно актуализируют историософскую сентенцию Губади Дзагурова, которой он предварил свой совет Малиеву; их ссылка на «романтические традиции», в соответствии с которыми малиевский нарт Батраз выступает «поборником вольности», выступившим «против народных врагов и

поработителей», равно как и аналогия с поэмой Коста Хетагурова «Хетаг», напрасна. Великан Малиева, вопреки априорным литературоведческим шаблонам, ничем не ассоциируется ни с мировым империализмом, ни с НЭПом.

При ближайшем рассмотрении мы видим, что в тексте поэмы довольно много неточностей и условностей, нежелательных в авторской обработке; таковы «меткострел-ружье» наряду с «меткострельным сагадаком» (осет. «сагдадах» – лук, арбалет), «трын» [7, С. 111] (вместо «трын-трава»), «скупал» [7, С. 109] (вместо «искупал») и др.; иногда целые построения лишены должной пластичности и синтаксической ясности: «Если я в твоих аркетах (арчхита, аркхета – обувь из сыромятной кожи. – И.Х.) / Не потраваю их траву, / Ты, как горец с буйным сердцем, / Вдруг сорвешь с меня главу»; «И чтоб брызнула струю / Кровь неволью из руки»; «Духу храбрости поддался / Он и телом, и душой» [7, С. 118]; «...Но чтоб умер я скорее, / Мук не видеть наяву, / Повтори удар булатный, / В уцелевшую главу» [7, С. 120]; «Если б в нем скупаться старцу, / Может снова юный быть» [7, С. 121] и т.д. Достаточно сопоставить эти пассажи с соответствующими фрагментами прозаического перевода самого Губади Дзагурова (не говоря уже об осетинском подлиннике), чтобы заметить, что они выполнены с неприемлемой мерой приблизительности и разного рода «допущений». Осетинские сказители и информаторы могли не соблюдать классические правила композиции, но они не допускали немотивированных тавтологий и синтаксических разночтений.

Но главный недочет поэмы «Симд Нартов» носит, опять-таки, концептуальный характер. Нам, признаться, кажется даже удивительным, что Малиев, природный осетин-дигорец, знаток родного эпического наследия, упустил из внимания смыслообразующую деталь оригинального кадага (сказания), который, по его собственному признанию, его «восхищал» [6, С. 279]. Впрочем, не только автор рассматриваемой поэмы, но и вообще никто не подчеркивал важнейшего композиционного обстоятельства, на которое прямо указывает название – «Симд Нартов». Уж не является ли, на поверку, этот симд своего рода главным героем произведения?

Так и есть; главным наблюдением читателя и исследователя (равно как и интерпретатора) должно быть то, что во все время приключений сначала Урузмага, затем Батраза симд продолжается своим чередом, не прекращаясь ни на минуту. Это – временная характеристика симда. Но есть и его не менее важная пространственная характеристика, выделенная тем парадоксальным и фантастическим обстоятельством, что нарты пытаются впечатлить своим симдом девушку, которая живет на расстоянии нескольких дней пути от того места, где танцуют нарты. Вот описание этого танца у Малиева:

Там, где ввысь Машук уходит
Белоснежную главой,
Нарты симд заводят шумный,
Бесподобный танец свой.
Льются песни их лихие,
Блещут взоры их огнем,
Вторит им, ликуя с ними,
Все живущее кругом.
Даже льдинки, улыбаясь,
Их приветствуют с вершин,
И цветы, целуясь с солнцем,
Им кивают из долин [7, С. 109].

И вот описание нартовского симда в прозаическом переводе Ю.Н. Либединского: «...однажды возвращался Урузмаг с охоты, и вдруг видит он – все доблестные нарты собрались на вершине Черной горы и пляшут там симд, такой симд, что горы рассыпаются, вековые деревья в дремучих лесах содрогаются и трещины проходят по их могучим стволам. Земля колеблется под ногами пляшущих нартов» [9, С. 341].

Если не по качеству, то по степени воздействия на окружающий мир симд нартов не уступает свирели Ацамаза, которая пробуждает природу и заставляет Агунду выйти к герою. Стало быть, в системе образов сказания нет ничего удивительного в том, что нарты надеялись привлечь внимание Акулы, обитающей в медной башне «на перепутье семи дорог, меж двух морей» [9, С. 341].

Мы готовы допустить (вот насколько для нас важна эта идея), что пассаж «каждый день [Акула] делает три оборота вокруг неба, может быть, в один из них она обратит на нас внимание» [10, С. 263] (у Малиева – «Каждый день она три раза / Облетает небосвод» [7, С. 110]) относится к позднейшим случайным наслоениям, от которого Малиев должен был отказаться. В том и состоит смысл литературной обработки. Иначе дальнейшие построения выглядят неубедительно: если бы Акула могла три раза в день облетать небосвод, то она лучше Урузмага знала бы о том, что происходит на земле и, во всяком случае, ей бы не был опасен Аурген-Агез, нашествием которого ее напугал Урузмаг, тем самым побудив ее сесть в коляску и мчаться вместе с ним в Страну нартов.

Непосредственно в длительности и протяженности этого танца и находит эмпирическое, художественное выражение эпитет «аганон [симд]» – «бесподобный», «невероятный», «великолепный» нартовский симд. Даже в современном исполнении осетинский массовый танец симд является впечатляющим зрелищем; это одно из самых ярких явлений в мировой народной танцевальной культуре. Симд мифических нартов прекрасно представлен на одноименной картине народного художника Азанбека Джанаева. Симд в оригинальном сказании – это образ высокой народной культуры, народной традиции, бесконечный во времени и прославленный в пространстве.

Да, у Малиева тоже, как и в оригинале, действие начинается с симда и заканчивается симдом; есть указание на то, что симд продолжается на тот момент, когда Урузмаг привез Акулу к Нартам: «Вот подъехала карета / Быстро к месту, где толпой / Нарты, все еще ликуя, / Продолжали танец свой» [7, С. 113], – и есть также указание его временной

протяженности: «Через год Батрадз явился / К месту, где еще толпой / Нарты славные, ликуя, / Продолжали танец свой» [7, С. 121]; однако в поэме эта длительность ничем не мотивируется и выглядит стихийной, тем самым лишаясь содержательности. Негативный эффект усиливается в виду использования автором слова «толпа», поскольку толпа несовместима с симдом; симд – как, в сущности, любой танец – это апофеоз порядка.

Уже в первой части сказания, повествующей о предприятии Урузмага, симд становится неперенным элементом хитрой игры, с помощью которой герой ввел Акулу в заблуждение и, в итоге, доставил ее к нартам. Внимание Акулы-красавицы привлекло некое странное явление: «Что-то темное мелькает / Там, где высится Машук?» – спрашивает она и слышит ответ Урузмага: «Чтоб не сделать нападенье / Аурген-Агезу вдруг, / Нарты выслали, наверно, / Соглядатаев своих» [7, С. 113]. Что это нарты, продолжающие свой симд, для читателя вовсе не очевидно, в то время как оригинал прямо говорит, что это «пляшущие на вершине нарты» [10, С. 264].

Но ключом к верному толкованию (и, по нашему убеждению, положительной обработки) сюжета является момент, когда Акула отвергает приглашение к танцу со стороны Батраза и делает ему свой справедливый и обидный упрек. Вот реакция Батраза в оригинале сказания: «О собачьи нарты, – говорит он перед тем, как отправиться в путь, – да пропадут ваши головы, если прекратите свой симд, а невесту мою обидите каким-нибудь обидным словом!» [10, С. 265]. В целом аналогично этому реагирует Батраз и в других вариантах сказания: «Я отправляюсь вызволить Болата из плена. Смотрите, чтобы не расстроился ваш симд, покуда не вернусь» [11, С. 216] (пер. с осет. нах. – И.Х.); «В дальний путь отправляюсь я, о нарты, и прошу: пока не вернусь, продолжайте плясать ваш симд, и пусть никто из вас не обидит красавицу Аколу (диалектный вариант имени. – И.Х.) и не скажет ей дурного слова» [9, С. 345]. Во всех вариантах Батраз либо угрожает, либо просит, – так, словно продолжение симда является неперенным условием успешности его предприятия. Для нас же оно является условием существования самого сказания, внутренним основанием его бытия.

У Малиева, к сожалению, этот момент вообще опущен; он не дал слова своему герою, заставив его незамедлительно вскочить на коня: весьма досадное авторское решение, лишившее сцену драматической весомости. Этот драматизм отлично подчеркнут в переводе Ю.Н. Либединского, где после укоризненной речи Акулы следует: «Точно кто-то по губам ударил Батрадза, повернулся он к нартам и сказал...» [9, С. 345].

Таким образом, главный мотив сказания – связующий его воедино симд – в поэме смазан, не обоснован этически, не актуализирован художественно; все выглядит так, будто нарты целый год танцуют из праздности. На самом же деле симд сначала помог Урузмагу, потом Батрадзу. Весь сюжет разворачивается под аккомпанемент симда. Симд в сказании есть символ народного бытия во всей его грандиозности и протяженности, через симд осуществляется связь народа с героем. Здесь кроется гуманистическая идея текста. В системе образов сказания симд – это обряд, это молитва за героя; пока симд продолжается, герою сопутствует удача. Если бы симд расстроился, сказание не могло бы венчаться счастливым финалом, и Батраз не обвенчался бы с Акулой. При верном художественном решении этой смыслообразующей идейно-композиционной функции симда все отмеченные выше недостатки языка имели бы только значение мелких технических погрешностей.

Но абсолютно серьезная, подлинно вдумчивая обработка сказания «Симд Нартов» потребовала бы еще некоего рефрена, время от времени напоминающего о том, что симд продолжается. Этот рефрен у Малиева только намечен: как мы уже отметили, дважды (в VI и X главах) он говорит, что «Нарты (...) ликуя, / Продолжали танец свой», – чего для актуализации образа симда явно недостаточно. Кроме того, одной из задач обработки должно было, на наш взгляд, стать решительное уплотнение и лаконизация сюжета, в котором нет подходящего поэме единства действия. Каким-то образом Малиеву следовало обойтись без балца Урузмага, равно как в свое время Городецкому – без Курдалагона и Амрана [3], а Кубалову – без Созрыко и «двойного убийства» Балсагова Колеса [2].

Малиеву, бесспорно, было под силу сделать свой «Симд» более актуальным и совершенным. Об этом говорит и баллада «Сказание о нартах» (1935 г.), которую мы упомянули в начале рассуждения и смысл которой, стоит заметить, предлагали автору прокомментировать следователи в ходе допроса в 1937 г. (поэт был обвинен в контрреволюционной деятельности и скончался в Бурлаге). Здесь налицо действительно переосмысленный и «современенный» нартовский мотив, в рамках которого герой ищет силу, превосходящую его собственную. Малиев оставляет в стороне все вводные элементы, разнящиеся в вариантах мотива, вычленяет его кульминацию и придает ей изящный и убедительный изгиб. Самодовольный, самовлюбленный Батраз, Батраз-нарцисс, ищущий «силу сильнее его», не может поднять сумку, лежащую на дороге; вдруг он замечает идущего мимо старика.

– Что за сумка это, старец? –
 Вопросает нарт Батраз, –
 Не таит ли в ней немую
 Силу гор своих Кавказ?
 Молвил старец: – В ней таится
 Мощь трудящихся людей,
 Эта мощь неодолима –
 Не тебе тягаться с ней...
 И пошел старик, махнувши
 Безнадежною рукой.
 Молча витязь пораженный
 Вслед глядел ему с тоской [12, С. 134].

Так был посрамлен славный и доселе непобедимый нарт Батраз. Но тем самым он был и просветлен, поскольку увидел, что в своей самонадеянности он противопоставляет себя народу, что смиренный и упорный труд – это подвиг не меньший, чем ратное дело.

Заключение

Поэма Георгия Малиева «Симд Нартов» безусловно заслуживает внимания и дальнейшего изучения наряду с другими опытами русскоязычных переводов и обработок осетинского народного эпоса, но уже сейчас мы считаем возможным заключить, что ее образность, стилистика и идейно-художественная концепция страдают рядом недостатков.

Случаи разного рода синтаксической несогласованности, немотивированных тавтологий, маловыразительных эпитетов и метафор слишком явны. Такой язык не только не передает дух сказания, но даже не намекает на него. Для читателя, знакомого с осетинским оригиналом и понимающего красоту и художественные возможности русского языка, в поэме немало разочарований. Конечно, поэтическая интерпретация текста сказания накладывала ряд ограничений на авторские намерения; мы вполне допускаем, что если бы Малиев не был связан рифмой и размером, то его перевод был бы гораздо более аутентичным.

Сюжетно-композиционный аспект и система образов произведения также оставляют впечатление определенной непроработанности. Наблюдения, сделанные в соответствующей части работы, можно резюмировать так: в «Симде нартов» нарты есть, а симда нет, – или, во всяком случае, его мало. Образу симда в поэме Малиева недостает идейной, композиционной, функциональной нагрузки. Его тема теряется в контексте приключений сначала Урузмага, потом Батраза – за их сольными партиями в грандиозном всенародном симде. В этом смысле сюжет сказания может трактоваться как развернутая аллегория приглашения к танцу, к вечному празднику жизни (стоит напоследок заметить, что гордая Акула жила затворницей). И, когда Батраз, отправляясь в путь, просит нартов продолжать симд, он, по сути, просит их жить и хранить единство: на что ему и красавица Акула, если на земле не будет греметь симд нартов?

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Хугаев И.С. Вторая жизнь Нартов и Даредзанов: очерк русскоязычных стихотворных переводов и обработок из осетинского народного эпоса / И.С. Хугаев // Полилингвильность и транскультурные практики. — Том 19. — № 2 (2022): Северный Кавказ: гора языков и язык гор. — С. 193—212. — DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-2-193-212
2. Хугаев И.С. «Песни кавказских горцев. Герои-Нарты» Александра Кубалова: первый опыт русскоязычной стихотворной обработки осетинского народного эпоса / И.С. Хугаев // Полилингвильность и транскультурные практики. — Том 19. — № 4 (2022). — С. 603-621. — DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-603-621
3. Хугаев И.С. «Ацамаз и Агунда» Сергея Городецкого как опыт литературной обработки осетинского нартовского сюжета / И.С. Хугаев // Russian Linguistic Bulletin. — 2023. — №5 (41). — URL: <https://rulb.org/archive/5-41-2023-may/10.18454/RULB.2023.41.1> (дата обращения: 10.05.2023). — DOI: 10.18454/RULB.2023.41.1
4. Балоева И.К. Творческое наследие Георгия Гадоевича Малиева: проблематика и жанровое многообразие: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Специальность 10.01.02. – Литература народов Российской Федерации (осетинская литература) / И.К. Балоева. — Владикавказ, 2006. — 25 с.
5. Абаев В.И. О Георгии Малиеве / В.И. Абаев // Избранные труды: религия, фольклор, литература. — Владикавказ: Ир, 1990. — 640 с.
6. Дзагуров Г.А. Малиев Георгий Гадоевич / Г.А. Дзагуров // Малиев Г.Г. Произведения. — Владикавказ: Ир, 2005.
7. Малиев Г.Г. Симд Нартов. (Из цикла Нартских сказаний) / Г.Г. Малиев // Произведения. — Владикавказ: Ир, 2005. — 327 с. — С. 109—122.
8. Хозиев Б.Р. К лучезарному солнцу бытия (русскоязычная поэзия Г.Г. Малиева) / Б.Р. Хозиев, М.Р. Кулова. — URL: <http://svarkhipov.narod.ru/vip/hozi.htm> (дата обращения: 21.07.2023).
9. Симд нартов // Сказания о нартах. Осетинский эпос // Пер. с осетинского Ю.Н. Либединского. — Москва: Советская Россия, 1978. — 512 с.
10. Симд Нартов // Нарты: Осетинский героический эпос: В 3 Т. — М.: Наука, 1989. — Т. 2. — 492 с.
11. Нарты гуппургинти синд Узабæл // Ирон адамон сфæлдыстад: 2 т. — Дзауджыхъæу: Ир, 2007. — 1 т. 238 ф. — Симд Нартовской знати на поле Уза // Осетинское народное творчество: В 2 Т. — Владикавказ: Ир, 2007. — Т. 1. — 719 с.
12. Малиев Г.Г. Сказание о нартах // Г.Г. Малиев. Произведения. — Владикавказ: Ир, 2005. — 327 с. — С. 133—134.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Hugaev I.S. Vtoraya zhizn' Nartov i Daredzanov: ocherk russkoyazychnyh stihotvornyh perevodov i obrabotok iz osetinskogo narodnogo eposa [The Second Life of Narts and Daredzans: an Essay of Russian-Language Poetic Translations and Treatments from the Ossetian Folk Epic] / I.S. Hugaev // Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki [Polylingualism and Transcultural Practices]. — V. 19. — № 2 (2022): The North Caucasus: the mountain of languages and the language of mountains. — P. 193—212. — DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-2-193-212 [in Russian]
2. Hugaev I.S. «Pesni kavkazskih gorcev. Geroy-Narty» Aleksandra Kubalova: pervyj opyt russkoyazychnoj stihotvornoj obrabotki osetinskogo narodnogo eposa ["Songs of the Caucasian Mountaineers. Heroic Narts" by Alexander Kubalov: the First Experience of Russian-Language Poetic Processing of the Ossetian Folk Epic] / I.S. Hugaev // Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki [Polylingualism and Transcultural Practices]. — V. 19. — № 4 (2022). — P. 603-621. — DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-603-621 [in Russian]
3. Hugaev I.S. «Acamaz i Agunda» Sergeya Gorodeckogo kak opyt literaturnoj obrabotki osetinskogo nartovskogo syuzheta ["Akamaz and Agunda" by Sergey Gorodetsky as an Experience of Literary Processing of the Ossetian Nart Plot] / I.S. Hugaev // Russian Linguistic Bulletin. — 2023. — №5 (41). — URL: <https://rulb.org/archive/5-41-2023-may/10.18454/RULB.2023.41.1> (accessed: 10.05.2023). — DOI: 10.18454/RULB.2023.41.1 [in Russian]
4. Baloeva I.K. Tvorcheskoe nasledie Georgiya Gadoevicha Malieva: problematika i zhanrovoye mnogoobrazie: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Special'nost' 10.01.02. – Literatura narodov Rossijskoj Federatsii (osetinskaya literatura) [The Artistic Heritage of Georgy Gadoyevich Maliev: Themes and Genre Diversity: abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Philological Sciences. Specialty 10.01.02. – Literature of the peoples of the Russian Federation (Ossetian literature)] / I.K. Baloeva. — Vladikavkaz, 2006. — 25 p. [in Russian]
5. Abaev V.I. O Georgii Malieva [About Georgy Maliev] / V.I. Abaev // Izbrannye trudy: religiya, fol'klor, literature [Selected Works: Religion, Folklore, Literature]. — Vladikavkaz: Ir, 1990. — 640 p. [in Russian]
6. Dzagurov G.A. Maliev Georgij Gadoevich [Maliev Georgy Gadoyevich] / G.A. Dzagurov // Maliev G.G. Proizvedeniya [Works of Maliev G.G.]. — Vladikavkaz: Ir, 2005 [in Russian].
7. Maliev G.G. Simd Nartov. (Iz cikla Nartskih skazaniy) [Simd of Narts. (From the Cycle of Nart Tales)] / G.G. Maliev // Proizvedeniya [Works]. — Vladikavkaz: Ir, 2005. — 327 p. — P. 109—122 [in Russian].
8. Hoziev B.R. K lucheznomu solncu bytiya (russkoyazychnaya poeziya G.G. Malieva) [To the Radiant Sun of Being (Russian-language poetry by G.G. Maliev)] / B.R. Hoziev, M.R. Kulova. — URL: <http://svarkhipov.narod.ru/vip/hozi.htm> (accessed: 21.07.2023) [in Russian].
9. Simd nartov // Skazaniya o nartah. Osetinskij epos [Tales of the Narts. Ossetian Epic] // Translated from the Ossetian by Y.N. Libedinsky. — Moscow: Soviet Russia, 1978. — 512 p. [in Russian]
10. Simd Nartov [Simd of Narts] // Narty: Osetinskij geroicheskiy epos [Narts: Ossetian Heroic Epic]: In 3 v. — M.: Nauka, 1989. — V. 2. — 492 p. [in Russian]
11. Narti guppurginti sind Uazabæl // Iron adæmon sfældystad: 2 v. — Dzaudzhyh"æu: Ir, 2007. — 1 v. 238 f. — Simd Nartovskoj znati na pole Uaza [Simd of the Nart Nobility on the Field of the Uaz] // Osetinskoe narodnoe tvorchestvo [Ossetian Folk Art]: In 2 v. — Vladikavkaz: Ir, 2007. — V. 1. — 719 p. [in Ossetian]
12. Maliev G.G. Skazanie o nartah [The Legend of the Narts] / G.G. Maliev // Proizvedeniya [Works]. — Vladikavkaz: Ir, 2005. — 327 p. — P. 133—134 [in Russian].